

Къ этому примѣшивается то, что итальянская драма разыгрывалась главнымъ образомъ внутри феодальнаго сословія; въ другихъ мѣстахъ феодализмъ вездѣ имѣлъ своего главу; здѣсь же, со времени паденія Гогенштауфеновъ, онъ былъ совершенно безголовымъ и пользовался полною свободой во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Поэтому феодальная вражда нигдѣ не развивалась такъ послѣдовательно, нигдѣ она не имѣла такого универсальнаго характера, какъ въ Италіи. Но что, можетъ быть, болѣе всего характеризуетъ борьбу итальянскихъ партій,—это самый театръ ихъ дѣйствій. Между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ феодальное сословіе болѣею частью жило разсѣянно въ своихъ владѣніяхъ, въ Италіи, наоборотъ, оно постоянно отличалось наклонностью къ городской жизни. Итальянскій феодализмъ не менѣе всякаго другого любилъ ограждать себя крѣпкими твердынями, но этотъ обычай жить въ стѣнахъ, защищенныхъ зубцами и башнями, онъ переносилъ съ собою въ самый городъ. „Оттого итальянскій городъ среднихъ вѣковъ былъ главною квартирою феодализма и вмѣщалъ въ своихъ стѣнахъ всю раздражающую его внутреннюю вражду. Оттого особенно часто были ея вспышки и горячія столкновенія партій; оттого воздухъ былъ здѣсь воспалительнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, что онъ спирался въ тѣсномъ пространствѣ городской ограды. На самыхъ улицахъ города происходила большая часть тѣхъ сценъ, которыя въ другихъ мѣстахъ разыгрывались среди чистаго поля“.

Эти строки будутъ оцѣнены историками. Но мы рассчитываемъ на признательность болѣе обширнаго круга читателей, если познакомимъ ихъ съ нѣкоторыми страницами второй главы. Говоря о провансальской поэзіи, Кудрявцевъ не могъ не коснуться главной струны въ этой звучной лирѣ — *любви*. „Это была любовь—не такъ, какъ понимали ее древніе, или какъ стали бы понимать ее наши современники, а другое, болѣе искусственное чувство, которое могло прозябать лишь при особенномъ состояніи литературы и самого общества. Въ этомъ чувствѣ выразилось идеальное направленіе вѣка вообще. Грубость нравовъ не исключаетъ совершенно идеальныхъ стремленій. Они, напротивъ, пробиваются иногда съ тѣмъ болѣею силою, чѣмъ болѣе въ общественномъ устройствѣ дано мѣста грубымъ матеріальнымъ требованіямъ. Въ феодальную эпоху „общество задыхалось отъ преобладанія физической силы, отъ произвола и насилія всякаго рода; человекъ чувствовалъ себя безопаснымъ только за крѣпкими стѣнами и въ желѣзной скорлупѣ, въ которую заковывалъ себя съ головы до ногъ. Но идеальное продолжало жить въ обществѣ,